

Марина МУРЗИНА, «Известия»

В Москве, в Центре кино и телевидения для детей и юношества, прошел международный кинофестиваль «Дебют». Одним из центральных его событий стала ретроспектива Александра Сокурова, проведенная в Центральном Доме работников искусств Российской общедоступной киноакадемии (РОК) на средства центра Р. Быкова. В небольшом и неизменно переполненном зале были показаны игровые и документальные картины Сокурова, прошли встречи с режиссером, а в завершение зрители увидели его новую работу — только что законченный фильм «Камень».

Это давний замысел Сокурова и драматурга Юрия Арабова: «Чехов. Последний год». В конце 70-х он оказался невозможным. Сейчас картину удалось снять, тоже с немалыми трудностями, но уже по финансовым причинам — помогли Пермская киностудия и «Ленфильм». Картина, по словам режиссера, трижды погибала из-за роста цен, от многого пришлось отказываться уже в процессе съемок, в итоге — четыре миллиона долга, как расплачиваться — неизвестно, неясна и прокатная судьба. Продвижением ее к зрителям занимается пока все та же Российская киноакадемия. Ситуация, увы, знакомая: предыдущая сокуровская работа, «Круг второй», шла в прокате в Японии, Голландии, Франции, Италии, Германии, имела, как и другие, более ранние сокуровские фильмы, немало зарубежных наград, но кто видел ее в России?

Александр Сокуров работает много (в сорок один год — 8 игровых лент, более 10 — неигровых), он снимает сейчас документальный фильм «Российская элегия», есть замысел и игровой картины...

«Камень», недлинная черно-белая лента, снимался в Ялте. Во время съемок группа потеряла двух товарищей — художника-постановщика Владимира Соловьева и давнего литературного помощника Елену Перминову. Их памяти посвящена картина.

Я расскажу о ней, поскольку те, кто всерьез интересуется отечественным кино, должны заранее знать и не пропустить ее, если она — будем надеяться!

Известия. — 1992. — 30 июня. — С. 8

ОДИНОКОМУ ВСЮДУ ПУСТЫНЯ

Александр Сокуров закончил новый фильм

появится все-таки на экране в их городе.

...Ночной сторож чеховского дома-музея в Ялте, молодой парень, приходит, как обычно, в дом и застаёт в нем... хозяйина. В сюжете этом Сокуров прикасается к тому, к чему прикасаться и опасно, и притягательно. Но он не страшится говорить о сущем с редкостным, беззащитным бесстрашием искренности и серьезности. Сокуров экранизирует невозможное, облекает в плоть бесплотное. Он делает ткань искусства, материализует, преобразует в кинематографическую образность то, о чем могут быть лишь домыслы и вымыслы, но то, что мучает каждого, что всегда в подсознании.

Стилистика фильма — это стилистика снов: приглушенные, почти не звучащие голоса, ред-

кие слова — будто легкие выдыхания, долгие молчания, необычность ракурсов. «Нездешняя», замедленная пластика. Размытость и смутность изображения, сменяющаяся вдруг «прояснениями» — графической, брейгелевской четкостью кадров, выстроенных по мизансценам известных чеховских фотоснимков. Фильм невесом, медлителен и почти беззвучен (даже музыка звучит лишь однажды). Он деликатно-отстранен. Но за этим — узнавание, встреча двух человеческих душ. Кто терял близких, любимых, тому знакомо это чувство встречи с ними во снах, это абсолютно ясное

на встречу с ушедшими и ожиданием этой встречи. Должно быть, каждый когда-то испытал в доме, где жил кто-то из великих, и теперь все на местах, только его нет — чувство присутствия его или, по крайней мере, возможности этого присутствия. Ведь «разве можно поместить Человека в могилу, пуская даже огромную?»

Человек в белом бродит ночью по пустому своему дому, расчерченному смутным светом и тенями, озвученному шумом прибора, странными криками птиц да гудками парохода. Это душа вернулась на миг, и так радостно, так чутко ощущает жизнь — тепло огня в камине, свежесть белой сорочки, прохлада воды в ванной, вкус вина и скудной снеди, звуки фортепьяно... Мотив возвращения в Дом, в былую жизнь — чеховский, из «Вишневого сада», но здесь — приглушенный, горький. Человек, свернувшись, лежит на постели, а рядом бродит ручной журавль, долгоногий, удивленный (в чеховском доме действительно жил такой), и человек разговаривает с ним неслышно и ласково, как с ребенком. Не так ли и живой Чехов, в последние свои годы в стыллой, зимней Ялте, не спал ночами? Скучал, бродил, томился, ждал звонков, писем, тосковал по морозной Москве, по театрам, гостям, народной шумной публике? В семье Чеховых был фамильный, Павла Егоровича, перстень с надписью: «Одинокому всюду пустыня». Это фильм еще и об одиночестве Чехова. Об одиночестве человека, не только в смерти — в жизни.

Андрей Белый писал о Чехове: у него так чувствуются «пролеты в Вечность», у него «сквозит» Вечность. В фильме Сокурова нет философствования о Вечном — лишь знает, «сквозит» это Вечное, как сквозит, раздвывая легкие шторы, ночной ветерок с моря в окна ялтинского чеховского дома...